

Се Мо согнулся и одной рукой подтащил человека к себе, после чего бросил Жун Чжияню:

— Соседний твой, уводи человека в Секту Сюаньсу.

Се Мо намеренно выделил голосом последние слова, и в глазах мужчины ожидаемо промелькнула паника.

Вернувшись в Секту Сюаньсу уже около часу ночи, Се Мо бесцеремонно швырнул пленника на землю и снял с него заклятие немоты, после чего в тишине раздался болезненный стон.

Лу Сяо молчаливым взглядом спросил Се Мо: «В чем дело?»

Се Мо покачал головой, а затем повернулся к Жун Чжияню:

— Брату Жун, слово за тобой.

Жун Чжиянь вкратце пересказал то, что произошло, а затем обратился к Хань Шу:

— Не знает ли уважаемый глава Хань, почему это в Наньцзяне кто-то выращивает столь смертоносных Ядовитых Гу?

Жун Чжиянь был целителем с истинно милосердным сердцем, и вид того, как совершенно здоровый человек готов расстаться с жизнью ради какой-то мерзкой букашки, заставил гнев закипеть на самом кончике языка. То, что он не бросился на Хань Шу с кулаками, было лишь проявлением прекрасного воспитания, подобающего главе целой долины.

Хань Шу пристально посмотрел на Жун Чжияня, а затем перевёл взгляд на девушку, и голос его прозвучал холодно и пронзительно:

— Ты знала, что от этого умирают?

Хотя девушка сидела, было хорошо видно, как она испуганно сжалась. На её хорошеньком личике читалась неприкрытая паника:

— ...Глава, я...

— Когда ты начала его выращивать? — сменил вопрос Хань Шу. — Точное время? Кто тебе его дал и как оно попало в твоё тело?

Девушка в испуге вскочила на ноги перед Хань Шу и, не смея взглянуть ему в глаза, опустила голову:

— ...Я не знаю...

— Хань Шу! Глава Хань! — Жун Чжиянь больше не мог на это смотреть.

— Будут указания? — Хань Шу лениво бросил взгляд на Жун Чжиянь. — Глава Жун, вы здесь гость, не забываетесь.

Лу Сяо направился к девушке. Едва увидев её, он сразу же узнал ту самую девчонку, что попадалась им на глаза днем в деревне.

— Не бойся, глава Хань не причинит тебе вреда, но червь гу внутри тебя опасен. Вспомни хорошенько, когда и при каких обстоятельствах он проник в твоё тело.

Тон Лу Сяо был ровным, но вовсе не холодным. По сравнению с Хань Шу он сейчас казался невероятно мягким, отчего Се Мо в стороне почувствовал лёгкое раздражение. Он тоже подошел и слегка оттеснил старшего шисюна в сторону:

— Тебе абсолютно не о чем бояться. Глава Хань и глава долины Жун из Секты Пустой Долины непременно что-нибудь придумают и спасут тебя. Напряги память, откуда эта дрянь взялась?

Девушка посмотрела на Лу Сяо и Се Мо, особенно задержавшись взглядом на последнем, и только после этого заговорила чуть более связно:

— ...Нет, их у меня внутри несколько... Некоторые я проглотила... А другие сами вбурились...

— ...Они плохо приживаются, когда и как попавшие внутрь черви гу умудряются выжить...

Сумбурно и сбивчиво девушка кое-как обрисовала ситуацию.

Се Мо молча посмотрел на неё, а затем перевёл взгляд на шисюна. Лу Сяо уже повернулся к Хань Шу:

— Глава Хань, это дело...

— Я во всем разберусь, — не дожидаясь, пока Лу Сяо закончит, оборвал его Хань Шу.

Он, конечно, знал о подобных червях гу, но никак не ожидал, что кроме Секты Сюаньсу кто-то еще владеет подобными вещами. Хань Шу позвал доверенных лиц и приказал увести обоих. Жун Чжиянь, не дожидаясь чьих-либо разрешений, последовал за девушкой. Впрочем, уже перед самым выходом он швырнул бамбуковый тубус прямо в Хань Шу.

Следом за Лу Сяо из зала совещаний вышел и Се Мо. Едва перешагнув порог, он тут же принялся за старое:

— Шисюн, мы тащили человека всю дорогу, я так устал. Шисюн, можно я на тебя оприолюсь?

Се Мо без конца зевал, глаза его заволокла влажная дымка, а конечности казались ватными и бессильными — вид у него был такой, будто он мог заснуть на ходу в любую секунду.

— Скоро дойдём до твоей комнаты, потерпи ещё немного, — сказал Лу Сяо.

— Шисюн, боюсь, не выдержу, — едва выговорил Се Мо и тут же завалился прямо на Лу Сяо, рухнув ему в объятия.

Лу Сяо поймал его врасплох, и в глубине его глаз промелькнуло тяжёлое беспокойство:

— Что такое?

Доббившись своего и упав в столь желанные объятия, Се Мо с улыбкой приоткрыл глаза и заглянул снизу вверх:

— Шисюн, раз мне так плохо, может, донесёшь меня на спине?

Хань Шу, услышав шум, как раз вышел наружу. Се Мо тут же сделал ему знак глазами, а вслух с шутливой легкостью бросил:

— Глава Хань, мы тут с шисюном дурачимся, тоже хотите присоединиться к веселью?

Хань Шу молча развернулся и зашагал в противоположную сторону. Се Мо облегчённо выдохнул и вновь пристал к шисюну:

— Шисюн, ты уже столько лет не носил меня на спине! Я сегодня так устал, ну пожалуйста, прокати ещё разок!

Се Мо пустил в ход и руки, и ноги: обвив шею Лу Сяо и всем телом устроившись на поддерживающих его руках, он намертво оплёл ногами бёдра шисюна — поза выражала полную решимость не сдвинуться с места, пока тот не донесёт его до комнаты.

У Лу Сяо покраснели не только кончики ушей, но и мочки стали ярко-розовыми:

— Се Мо!

— Разве мы не договаривались наедине звать меня Моэр? — притворно возмутился Се Мо. — Шисюн, ты всё-таки глава целой секты, нельзя же бросать слова на ветер.

— Стой нормально, и называй как хочешь.

Лу Сяо чуть приподнял Се Мо на руках, выпрямляя его занемевшее тело, и отпустил:

— Совсем распустился.

— Как хочешь? — уголки глаз Се Мо изогнулись в лукавой улыбке, он переспросил, начисто проигнорировав фразу, которую предпочел бы не слышать.

Интересно, как обычные муж и жена называют друг друга в повседневной жизни? Вернувшись, обязательно нужно будет у кого-нибудь расспросить. Знал бы он об этом раньше, шисюн уже

давно звал бы его именно так.

— И как же еще тебя называть? В твоём имени всего два иероглифа, хоть крути их, хоть верти, третьего не придумаешь.

Лу Сяо протянул руку и машинально пригладил растрепавшиеся волосы Се Мо, вспомнив, как в ту ночь, когда они ловили преступника, Се Мо точно так же ходил с растрепанной шевелюрой, пока в конце концов сам не собрал её в пучок.

— Моэр, после того как вернемся, сходи со мной навестить учителя.

Поправляя волосы спутника, Лу Сяо вспомнил, что в прошлые годы ходил к учителю совсем один.

Улыбка на лице Се Мо слегка померкла — настолько неуловимо, что он и сам бы этого не заметил:

— Шисюн, я не хочу идти.

— Почему?

Это был второй раз за столько лет, когда Лу Сяо задал этот вопрос после того, как в самый первый раз Се Мо отказался ехать.

— Шисюн, разве ты не знаешь причину? — Се Мо попытался отшутиться и проскользнуть мимо неудобной темы.

— Ты всё еще не хочешь принять, что учителя больше нет? Эта отговорка работает уже восемнадцать лет, — холодно заметил Лу Сяо. — Не пора ли придумать новую?

— ...Я и вправду не могу с этим смириться...

Под пристальным взглядом Лу Сяо Се Мо постепенно умолк, но, подумав немного, всё же выдал другую причину: — Боюсь, что учитель, увидев меня, придёт в такой восторг, что выпрыгнет из ледяного гроба.

Лу Сяо: «.....»

Се Мо, считавший, что он недостоин предстать перед лицом учителя, думал про себя: если бы у меня было множество системных сохранений для защиты, я бы смог набраться наглости и навестить учителя.

В конце концов Се Мо не удалось заставить учителя выпрыгнуть из ледяного гроба от злости — он лишь вывел из себя своего шисюна.

— Шисюн, я ведь правда очень устал, ну покатай меня на спине! — крикнул вслед шисюну Се Мо, но в следующее мгновение тот уже исчез из виду.

Улыбка постепенно сошла с лица Се Мо. Он сжал в кулаке пилюлю — это была предпоследняя.

Се Мо стоял идеально прямо: даже зная о его состоянии, Хань Шу не заметил бы никаких странностей. Впрочем, тот просто недостаточно хорошо знал Се Мо, однако Хань Шу искренне верил, что уж Лу Сяо-то непременно должен был заметить неладное. Но тот ничего не видел.

Дело было вовсе не в невнимательности Лу Сяо — просто Се Мо слишком искусно всё скрывал. Каких же невероятных усилий стоило утаить боль от самого близкого человека и при этом продолжать беззаботно шутить и балагурить, словно ничего не происходит! Хань Шу редко кем восхищался, но сейчас, глядя на Се Мо, он на удивление не стал изображать привычное ледяное выражение лица.

— Твое состояние долго не скроешь. Если признаешься сейчас, еще можно будет предотвратить непредсказуемые последствия в будущем, — опершись спиной о дверной косяк, бросил Хань Шу в прямую спину Се Мо. — Пока не истек двадцатилетний срок, ты — спаситель всего живого в Поднебесной, но стоит ему закончиться, как ты превратишься в кошмар, внушающий ужас каждому.

Се Мо с усмешкой развернулся и зловеще улыбнулся:

— Разве что в кошмар для самого главы Ханя?

Хань Шу холодно фыркнул:

— Я бы и сам не прочь оказаться чьим-нибудь кошмаром, жаль только, что я и так для всех гроза.

— Если посмотреть с этой стороны, мы можем посочувствовать друг другу. Узнай об этом брат Жун, он ведь ужасно разозлится.

Се Мо скатал пилюлю пальцами и запихнул её в маленькую фарфоровую баночку. Только теперь заметив пилюлю у него в руке, Хань Шу невольно изумился: — Ты стерпел это на живую?

Се Мо сунул пузырек за пазуху и небрежно бросил:

— Разве это не первый этап? Если бы я даже такое не вытерпел, проще было бы сразу найти местечко и убить себя об стену.

Хань Шу, до этого прислонявшийся к столбу, выпрямился. Раньше он не обращал внимания, но теперь отчетливо разглядел слой мелкого пота на лбу Се Мо. В бледном лунном свете его и без того демоническое лицо казалось еще более завораживающим, но при этом пугающе

мертвенно-бледным.

— Если твой шисюн застанет тебя в таком виде...

— Тогда я скажу, что это ты подбросил мне червя гу, чтобы отравить меня.

Се Мо беззаботно улыбнулся, стер тыльной стороной ладони испарину со лба и позволил духовной силе заструиться по каналам конечностей, чтобы разогнать холод — цвет его лица начал понемногу возвращаться. Се Мо заметил, что пытаться подавлять боль духовной силой было хуже, чем просто терпеть её стиснув зубы: циркуляция энергии лишь усиливала острые, режущие ощущения.

Хань Шу молча, с бесстрастным лицом смотрел на Се Мо. У Се Мо внезапно возникло дурное предчувствие: сзади кто-то стоял. ОцепенеВ, он медленно, миллиметр за миллиметром, повернулся. Из-за сильного напряжения он даже не стал толком проверять обстановку и сразу решил, что это шисюн. Однако, увидев за спиной Жун Чжияня, Се Мо испытал одновременно вспышку гнева и огромное облегчение:

— Ты чего среди ночи бродишь как привидение и людей пугаешь?

— Тебе стоит радоваться, что это привидение — я, — с укором глядя на Се Мо, произнес Жун Чжиянь. — Ты что, не слышал моих шагов? Было так громко.

— Я вел тяжелую борьбу умов с твоим сердечным другом и заклятым врагом, так что неудивительно, что ничего не услышал.

Ловив на себе убийственный взгляд Жун Чжияня, Се Мо вовремя перефразировал фразу. — И вообще, разве ты не пошел лечить больную? Чего это тебя снова принесло?

— Одному больному здесь всё еще требуется помощь, — Жун Чжиянь подошел ближе к Се Мо и опустил пальцы на его тонкое запястье. — Тот, кто хотя бы знает дату своей смерти, не так хлопотен, как тот, кто может в любую секунду помереть от невыносимой боли.

Хань Шу бросил короткий взгляд на пальцы, лежавшие на чужом запястье, и отвёл глаза лишь тогда, когда их хозяин убрал руку.

— Ци Вэйхань не позволит мне умереть, — с уверенностью заявил Се Мо. — Так что твоя первоочередная задача сейчас — не спасти мою жизнь, а перерыть все древние трактаты в Поднебесной и помочь мне рассчитать продолжительность приступов на каждом этапе. Терпеть эту бесконечную пытку — удовольствие ниже среднего. На моем месте кто-нибудь другой уже со страха бы кончился.

— Исключено, — возразил Жун Чжиянь. — Тот, кто способен умереть от страха, тебе не пара.

— Буду считать это комплиментом.

Се Мо отличался толстокожестью и ни капли не смутился. — Ну что же, оставляю это местечко вам двоим, судачьте о чем хотите хоть до утра. Хотите, я вам барьер поставлю? Ни одна живая душа не услышит.

Жун Чжияня от злости закололо в печени и легких, а золотая игла между пальцами едва не вышла из-под контроля. Се Мо же с улыбкой помахал ему рукой и упорхнул, оставив Жун Чжияня один на один с переменчивым и эгоистичным Хань Шу.

Хань Шу снова прислонился к колонне:

— Раз глава Жун не уходит спозаранку, неужто и впрямь решил составить мне компанию до рассвета?

Жун Чжиянь развернулся к нему лицом и процедил сквозь зубы:

— Главному Ханя лучше вернуться и досмотреть свои сны — там тебе и не такое привидится.

Вернувшись в отведенные ему покои, Се Мо вскоре обнаружил у дверей учеников с водой для купания. Проводив взглядом процессию послушников, он слегка приподнял бровь: элементарное гостеприимство в Секте Сюаньсу всё же соблюдали. Пропотевший с ног до головы Се Мо нетерпеливо погрузился в деревянную бадью, чувствуя, как кроваво-красное пятно на груди вновь проступило из-за недавнего приступа.

Теперь Се Мо уже не испытывал того панического страха, как в первый раз, и у него даже оставались силы разглядывать этот злоедейский багровый узор размером с человеческую ладонь. Пережив острую боль, он наблюдал, как цвет постепенно блекнет, пока полностью не растворяется, сливаясь с кожей вокруг и оставляя лишь безупречно-белую, кристально чистую поверхность.

Прислонившись бортику бадьи, Се Мо слегка прищурил глаза, позволяя горячей воде понемногу остывать. Думая о том, что во дворе он снова не уловил изменения в окружающей обстановке, Се Мо провел пальцем по остывающей воде. Его безмятежный взгляд холодел вместе с остывающей водой: подобное не должно повториться. Се Мо твердо сказал себе: приступы семени он контролировать не в силах, но его собственное тело, его духовная сила и его совершенствование должны принадлежать только ему и никому больше!

Этой ночью Се Мо проспал мертвецким сном и проснулся только после полудня. Но даже открыв глаза, он продолжал неподвижно лежать на постели: боль прошлой вечера бесследно исчезла, затаившись в глубине тела до следующего раза.

Се Мо опустил взгляд на грудь — багровое пятно полностью исчезло, словно его никогда и не было. До сих пор он думал, что семя уже проросло, однако он понятия не имел, что всё это были лишь предварительные прощупывания почвы со стороны демонического создания.

В древних книгах говорилось, что первый этап — это прорастание, но как может прорасти

семя, если нет даже плодородной почвы?

Зерну требовалась земля, максимально с ним резонирующая, поэтому первым шагом к пробуждению семени на самом деле являлась перестройка тела Се Мо. Именно из-за этого он последнее время так часто испытывал боль. Однако от зарождения веков до сегодняшнего дня об этом не знал никто — даже в дошедших до нас древних манускриптах не было записано ни единого слова.

Се Мо резким движением вскочил с постели, отворил дверь и озарил сияющей улыбкой всё еще не подошедшего близко человека:

— Шисюн.

В руках Лу Сяо держал лакированный ланч-бокс, и глаза Се Мо тотчас загорелись:

— Шисюн, откуда ты знал, что я проголодался?

Лу Сяо не горел желанием слушать пустопорожнюю болтовню Се Мо. Зайдя в комнату с ланч-боксом в руке, он стал по очереди извлекать из него блюда: трехъярусный короб вместил четыре кушанья, один суп и большую миску риса.

— Шисюн, этот свиной животик тушеный? Не ты ли сам приготовил?

Се Мо тут же уселся за стол, схватил палочки и, нетерпеливо закинув кусочек в рот, зажмурился от удовольствия: нежный, тающий во рту, чуть сладковатый аромат — прямо как в Секте Тяньпин.

— Нет, — Лу Сяо присел рядом и, прежде чем Се Мо успел среагировать, перехватил его запястье.

Коснувшись пальцами нежной кожи, Лу Сяо на мгновение замер и лишь затем сосредоточился, начиная сканировать потоки ци внутри Се Мо.

Спина Се Мо на секунду напряглась, но он тут же взял себя в руки. Его палочки заплясали между тарелками с едой, а посуда зазвенела от слишком оживленных движений. Лу Сяо бросил на него короткий взгляд, и Се Мо тут же уgomонился, принявшись чинно жевать рис. Не прошло и пары минут, как он снова принялся за старое:

— Шисюн, что-то не так? У тебя такой суровый вид, мне аж страшно стало.

Лу Сяо отпустил его запястье:

— Никаких следов этого семени обнаружить не удастся.

— О, я и сам последние пару дней ничего не чувствовал, словно оно испарилось, — лениво

подцепив кусочек еды, протянул Се Мо. — Интересно, не сдохло ли оно часом?

Выражение лица Лу Сяо помрачнело:

— Почему молчал?

— Так я и сам только что заметил. Подумал, мало ли, вдруг Ци Вэйхань перепутал и подсунул какую-то бракованную пустышку, — Се Мо продолжал скалиться с абсолютно бессовестным видом.

— Се Мо.

Сдержанные и строгие черты лица Лу Сяо слегка дрогнули, предвещая бурю.

Се Мо отправил в рот еще один кусочек мяса:

— Шисюн, это точно ты готовил! Чувствуется фирменный вкус нашей Секты Тяньпин, верно? Ну надо же, как вкусно, куда лучше стряпни бабушки Чжан. Впрочем, когда вернемся, ты только не жалуйся ей, а то мне еще ее целебный супчик пить.

— В прошлый раз глава Жун уверял меня, что с твоим пульсом всё в порядке. Ты меня обманул?

Лу Сяо пристально вглядывался в Се Мо, и в его глазах уже закипал скрытый гнев. — Когда на самом деле пропало это семя?

Заметив, что шисюн всерьез разозлился, Се Мо отложил палочки, выпрямился и принял максимально серьезный вид. После чего принялся бессовестно лгать:

— Да вот в последние пару дней. Случайно заметил, что ничего не чувствую, тут же проверил духовной силой — тоже пусто, но других изменений нет. Иначе я бы давно всю голосил! Сам подумай: глава Секты Пустой Долины и глава Секты Сюаньсу оба под боком, грех было бы упускать такую возможность.

Лицо Лу Сяо ни капли не смягчилось. Тяжелый взгляд давил на губы Се Мо, сгоняя с них улыбку, и под конец Се Мо едва не выдал себя от напряжения.

Пришлось срочно менять тему:

— Шисюн, тот тип, которого я приволок вчера ночью, раскололся? Какого черта он околачивался в деревне посреди ночи? И есть ли вообще связь между ним и девушкой, которая вырастила у себя в теле червя гу? Я ведь специально не стал тащить сюда ту старуху, если пойти взглянуть на них сейчас, должно быть ужасно занятно.

— Сиди здесь и никуда не ходи, — поднимаясь с места, бросил Лу Сяо с нарастающим раздражением.

Ох. Се Мо уставился на него:

— Шисюн, вообще-то этого человека приволок я, мне же надо докопаться до сути дела.

— Я сам во всем разберусь, — оборвал его Лу Сяо.

Он и сам не понимал, почему в этот момент не мог совладать с собственным гневом. Он-то думал, что Се Мо делится с ним абсолютно всем, а оказалось, что в столь серьезном вопросе тот предпочел от него отмалчиваться.

В конце концов Лу Сяо так и не понял, злился ли он на то, что Се Мо скрыл от него правду, или же его бесило исключительно то, что тот утаил от него историю с семенем. Развернувшись, он вышел из комнаты и наложил на дверь запирающее заклятие из потоков духовной энергии.

Се Мо: меня посадили под домашний арест, спасти может только сундук с сокровищами!

Се Мо проводил взглядом захлопнувшуюся дверь и опустевший стол, уставленный грязной посудой. Затем он поднял руку, погладил запястье, которого только что касался Лу Сяо, и уголки его губ тронула мягкая улыбка: оказывается, шисюн так сильно о нем беспокоится. Се Мо коснулся пальцами того места на коже, где всё еще ощущался слабый остаток тепла чужих рук.

Довольный собой, Се Мо рухнул обратно на кровать, закинул руки за голову, и улыбка на его губах стала еще шире.

А Лу Сяо тем временем вернулся в зал совещаний. Жун Чжиянь заглянул ему за спину и удивленно моргнул:

— Глава Лу, брат Мо еще не проснулся?

— Глава Жун, — произнес Лу Сяо.

Услышав холодный тон Лу Сяо, Жун Чжиянь внутренне сжался и, сам того не осознавая, украдкой глянул на Хань Шу. Тот посмотрел в ответ: с чего это глава Жун пялится на меня?

Жун Чжиянь мысленно выругался: тьфу ты, места тут полно, с чего бы мне на тебя пялиться! — а затем обрушил на себя целое проклятие: неужто и впрямь подцепил какого-то червя гу, раз уставился на Хань Шу!

Переведя взгляд на Лу Сяо, он собрался с духом:

— Что-то случилось, глава Лу?

Хань Шу бросил на Жун Чжияня короткий взгляд и отвернулся.

Лу Сяо посмотрел на обоих:

— Глава Жун, глава Хань, когда в прошлый раз я расспрашивал вас о состоянии моего шиди, вы говорили правду?

Жун Чжиянь мысленно взвыл: «Пропало дело! Неужели раскрыли?»

А вот Хань Шу держался гораздо спокойнее — по крайней мере, на его лице не дрогнул ни единый мускул, а дыхание осталось ровным.

— А что такое? — невозмутимо осведомился Хань Шу. — С Мо-гунцзы что-то не так?

— Я только что проверял его тело — от того семени не осталось и следа.

Лу Сяо смотрел на них обоих, и хотя в его голосе не слышалось упрека, ледяной холод ощущался отчетливо.

Жун Чжиянь мысленно отчитывал Се Мо: в самый ответственный момент вечно его нет рядом!

— Глава Лу...

Лу Сяо перевел взгляд на Жун Чжияня:

— Говорите.

Уже восемнадцать лет возглавляющий Секту Тяньпин, Лу Сяо давно привык держаться с властным достоинством, не требующим лишних слов. Вместе с его природной сдержанностью это создавало незримую дистанцию между ним и остальными — исключения не составлял даже дружественный им Жун Чжиянь.

<http://bllate.org/book/22338/2340296>